

Ян Цзинь с легким замешательством подумал о том, что даже не услышал, как подошел Чжоу Ли.

Если бы в этот момент рядом была Цю Тун, она бы непременно заметила, что Ян Цзинь сегодня какой-то не такой.

Он казался совершенно... пресным. На лице не читалось никаких эмоций, но это не было холодностью — скорее, он словно утратил собственное присутствие. Если не смотреть прямо в ту сторону, где он стоит, то трудно было даже заподозрить, что там вообще кто-то есть; он казался почти прозрачным.

Шу Юнь довольно улыбнулась и, повернувшись, спросила:

— Почему не сказал мне, что придешь на выставку? Если бы Чжэнь Юн не проговорился, я бы ни за что не узнала.

Чжоу Ли холодно ответил:

— Чжэнь Юн внутри, иди и найди его.

Улыбка на лице Шу Юнь застыла.

Ян Цзинь, уставившись на следы времени на каменных плитах под ногами, смотрел в пустоту. Он не хотел становиться искрой, от которой разгорится спор между Шу Юнь и Чжоу Ли, хотя и понимал, что Шу Юнь вряд ли станет ссориться с ним.

Подождав немного и поняв, что Чжоу Ли не собирается продолжать разговор, Ян Цзинь опустил глаза и произнес:

— У меня еще дела... я пойду.

В воздухе повисла пауза. Ему следовало бы как-то обратиться к Чжоу Ли, но он совершенно не знал, как теперь это сделать.

Раньше он называл его маленьким господином. Юный Чжоу Ли был дерзким и своевольным, а нынешний... повзрослевший, элегантный, обладающий такой властной аурой, которую не скрыть даже безупречно сшитым костюмом. Казалось, в нем изменилось всё, кроме этого красивого, резкого лица.

Он не знал, как теперь называют его Чжэнь Юн и остальные. В те времена, когда он сам звал его господином, они порой величали его Чжоу-шао, а порой Чжоу-гэ, даже несмотря на то, что Чжоу Ли был не самым старшим в их компании.

Чжоу Ли промолчал, и Ян Цзинь воспринял это как молчаливое позволение уйти.

Сделав несколько шагов, он все еще размышлял, как ему стоит называть Чжоу Ли, если они

встретятся снова. Но стоило ему выйти к дверям и ощутить на лице порыв холодного ветра, как он встрепнулся. К чему эти мысли? Откуда взяться такому количеству случайных совпадений? Это было излишним.

Однако он не ожидал, что следующее совпадение произойдет так скоро.

Чжоу Ли стоял прямо у входа, на пути, по которому Ян Цзинь должен был идти к парковке.

Ян Цзинь мельком взглянул на лицо Чжоу Ли и тут же отвел глаза, заметив алый огонек сигареты между его пальцев. Оказалось, он вышел покурить.

Чжоу Ли мог позволить себе не замечать Ян Цзиня, но Ян Цзинь не мог вести себя так, будто Чжоу Ли здесь нет. Он поклонился и невнятно пробормотал:

— ...Добрый вечер.

Он действительно не знал, как обратиться. Может, стоит еще немного подумать, и тогда подходящее слово само придет на ум.

Чжоу Ли словно не услышал его. Он молча стоял на ветру среди снежных хлопьев, не говоря ни слова и не отпуская Ян Цзиня, пока сигарета не истлела до самого фильтра.

— Когда вернулся?

Ян Цзинь слегка удивился — он не ожидал, что Чжоу Ли это волнует.

— В прошлом году. — Сразу после выпуска.

Чжоу Ли выдохнул тонкую струйку дыма, а Ян Цзинь, глядя в пол, ответил:

— Я учился в университете на планете Медес, что в тридцати тысячах световых лет от Мосин. Когда я выпустился, как раз началась реорганизация и перестройка Главного управления Мосин. Расформировали несколько отделов и создали новые. Один из них занимался межзвездной обстановкой и активно набирал сотрудников среди жителей Мосин, имеющих опыт жизни за пределами системы и владеющих более чем четырьмя иностранными языками.

Набор называли массовым, но одно только требование о знании четырех языков отсеивало девяносто пять процентов кандидатов, не говоря уже об ограничении по гражданству Мосин. Во всем государственном университете Медеса только Ян Цзинь — бета — соответствовал требованиям управления.

Блестящая успеваемость, знание языков, гражданство Мосин, опыт жизни в других мирах... Идеально, если не считать пола.

Когда Ян Цзинь получил уведомление о собеседовании, он читал книгу в общежитии. Повесив трубку, он некоторое время сидел неподвижно, потом открыл компьютер, нашел нужный файл и просидел над ним почти весь день.

Ему казалось, что его судьба уже была предрешена, но, сделав круг, он снова вернулся на ту самую колею, которая была уготована ему изначально.

Чжоу Ли спросил:

— Где работаешь?

— В Главном управлении Мосин.

Ян Цзинь ответил, глядя на холодные черные ботинки Чжоу Ли.

Обычно все стремились заговорить с Чжоу Ли, а он, напротив, стоял здесь и ждал, пока тот сам начнет разговор.

Впрочем, винить его было нельзя. Не мог же он спросить: Как у вас дела? Чем занимаетесь? Что привело вас сюда?

Если бы это спросил Чжэнь Юн, это было бы вежливой светской беседой, чтобы сократить дистанцию. Если бы это спросил Ян Цзинь — это было бы дерзостью, нарушением субординации и неуважением к старшим.

Ян Цзинь не был человеком из этого мира. Конкретных деталей он не знал, но три факта были ясны как день:

Первое: это роман под названием Вершина запретной зоны, написанный в жанре АВО-фанфика про шоу-бизнес с акцентом на принудительную любовь.

Второе: Чжоу Ли — главный герой, чья официальная пара — омега, ставший центром группы после шоу талантов. А он сам — тот самый параноидальный злодей, который пытается разрушить этот канонный союз.

Третье: он — ключевой персонаж,двигающий сюжет, и каждое развитие отношений между главными героями неизбежно строится на жестоких издевательствах над Ян Цзинем.

Он не читал оригинал, лишь слышал обрывки разговоров коллег в комнате отдыха: Чжоу Ли такой красавчик, их судьбоносная любовь АО просто сводит с ума, зачем этот бета вообще лезет в их дела...

Позже он узнал, что этот безумный злодей, которого все так ненавидели в комментариях, носит те же имя и фамилию, что и он. Он пролистал пару страниц, понял, что персонаж действительно неприятный, и больше не открывал книгу.

Когда он только попал в этот мир, он жил в приюте Мосин. Тогда его еще не звали Ян Цзинь, и он даже не осознавал, что стал героем книги. Через неделю один старик захотел его

усыновить, сказав, что у него дома только один ребенок, которому слишком одиноко, и спросил, не хочет ли он поиграть с его сыном.

Вместе с ним в поместье привели еще четверых детей. Через два месяца остальных отправили обратно, и только он остался. Старик, оказавшийся дворецким поместья, выдал ему новую одежду и отвел на пятый этаж, где полы были застелены толстыми коврами, по которым можно было ходить совершенно бесшумно.

<http://bllate.org/book/20838/2100066>